

Акин Тимиров
Январь,
1837 год

Акын Тимиров
Январь, 1837 год

«Атанор»

2017

Тимиров А.

Январь, 1837 год / А. Тимиров — «Атанор», 2017

ISBN 978-5-9500760-2-2

В книге Акына Тимирова читатель столкнется с совершенно новым, оригинальным взглядом на печальные события января 1837 года, последних дней жизни великого русского поэта Александра Пушкина. Да и сам Пушкин, и образы его ближайшего окружения в этой повести не совсем привычны для большинства из нас. Герои повести – трое друзей-студентов – попадают временной петлей в роковое время, из наших дней в девятнадцатый век. Что они вынесли из глубин веков, из встреч со своими великими предками, вы узнаете, прочитав эту повесть.

ISBN 978-5-9500760-2-2

© Тимиров А., 2017

© Атанор, 2017

Содержание

Глава первая. Натали	6
Глава вторая. Трактир Демурова	16
Конец ознакомительного фрагмента.	17

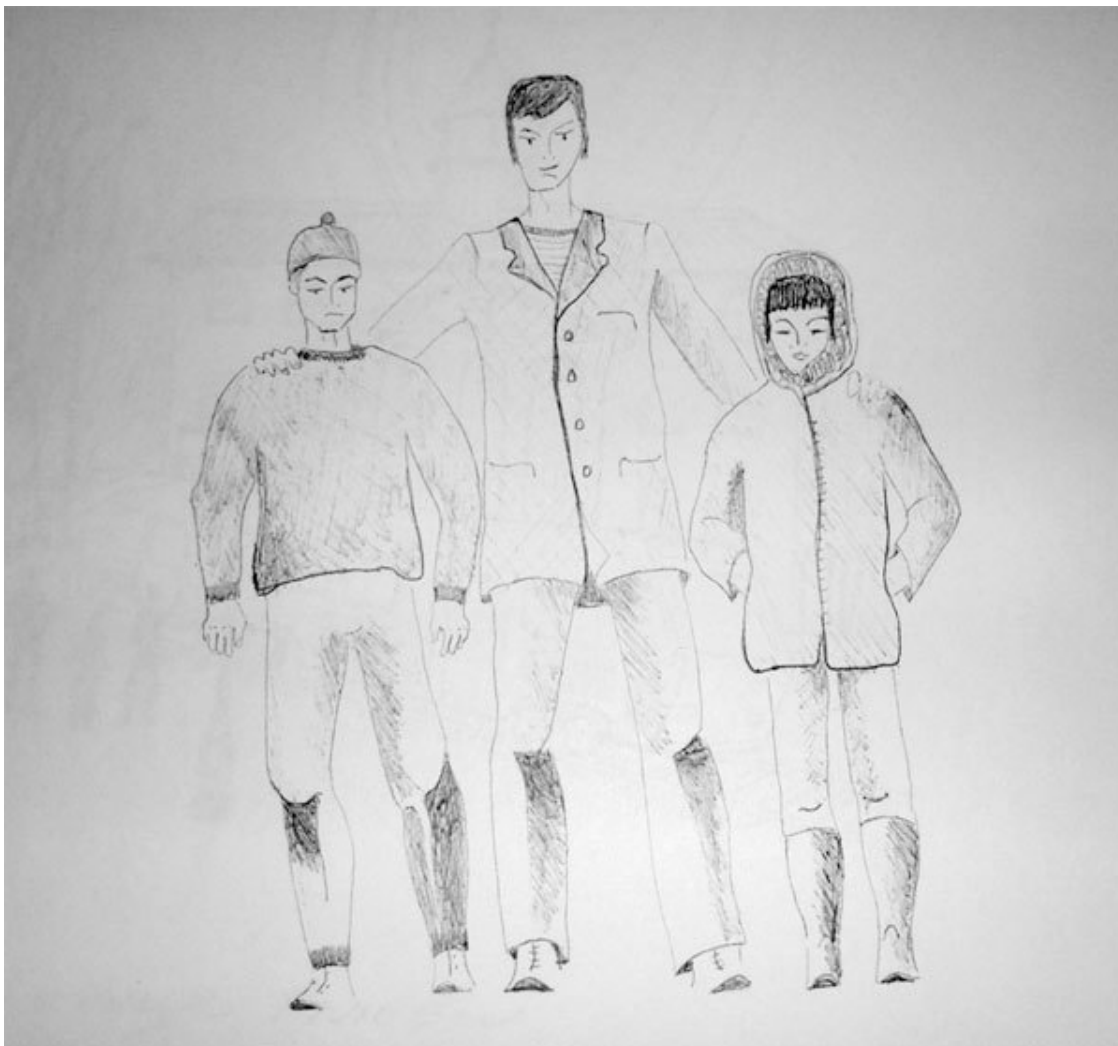
Акын Тимиров

Январь, 1837 год

© Биктимиров Ш. Г., 2017

© Верстка, дизайн обложки. ИП Бахракова Т. В., 2017

Глава первая. Натали

– Разрешите, – сказал Искандер, войдя в кабинет.

– Проходите, – не поднимая головы, сонно буркнул сидящий за столом человек. В комнате стоял полумрак. Запылённое за лето окно слабо пропускало и без того жидкий свет с улицы. На стенах висели картины местных художников. Портреты, пейзажи, натюрморты – в дешёвых рамках, а то и просто на подрамниках. Упирались в старый жёлтый сервант, набитый книгами и журналами.

Переминаясь с ноги на ногу, Искандер нервно мял в руках кожаные перчатки.

– Слушаю вас, – перелистнув журнальную страницу, спросил сидящий, по-прежнему не глядя на вошедшего.

– Я по поводу моих стихов, принёс вам неделю назад, – взволнованно выдохнул Искандер. – Зелёная такая тетрадка.

Человек лениво взглянул на него, не вспомнив, откинулся на спинку кресла. Сонно зевнул, почесал чёрную с проседью бородку, снова наклонился к столу, внимательно разглядывая его, указал на стул.

– Говорите, молодой человек, – почти пропел бородач последние два слова.

– Я думал, это вы мне что-то скажете, – смутился Искандер.

– Конечно, конечно, – окончательно проснулся сидящий. – Простите, столько работы, голова кругом. Меня зовут Олег Павлов. А вас, кажется, Искандером величают? А по-русски – Александр? – уточнил он.

– Да, – кивнул Искандер, чуть оторвавшись от стула.

– Сидите, сидите. Сейчас найдём, – нахмурился Павлов. Сунул руку под стол к ближайшей полке, начал шарить там. Затем нагнулся к следующей. – Подборка стихов «Натали»? – глухо спросил почти из-под стола.

– Да, да, – вскочил со стула Искандер.

– Александр, Александр, – мурлыкал Павлов себе под нос, шелестя бумагами. – Вот она, – выкинул на стол тетрадь в зелёной обложке.

Искандер торопливо засунул её во внутренний карман пальто, облегчённо вздохнул.

– Вообще-то там кое-что есть, – поднявшись из-за стола, Павлов включил свет и указал пальцем Искандеру на тетрадь во внутреннем кармане. – Видно, что много читаете, работаете над каждым словом, складно всё, логично. Но этого мало, молодой человек, – продолжал он. – Нужно ещё иметь что-то вот здесь, – ткнул он себе в грудь. – Страдать и радоваться, терять и находить. Тонко чувствовать всё происходящее вокруг себя, не делить мир на чёрное и белое, в нём очень много оттенков. Как художник, смешивая краски, находит свет, как музыкант – нужную ноту, ты должен выискивать слова, вытаскивать их из души. Это, Александр, позволь мне тебя так называть, тяжёлый, доводящий до истерики эмоциональный труд. Надо родиться таким, чтобы всё это вынести, выстрадать. А если ты сникаешь, опускаешь руки, и не приходит к тебе то ощущение полёта – сочинять, несмотря ни на что... Чувствуя в глубине души радость от того, что ты снова садишься за стол, берёшь ручку, чистый лист бумаги и – продолжаешь писать. Испытываешь счастье от того, что ты хочешь и можешь докричаться до людей. Значит, ты тот, кому надо этим заниматься. А не тот, кому просто однажды показалось, что именно он избранник на этой стезе. Их у меня полный сервант – книг, изданных местными, так сказать, писаками. Вот так вот, извините за прямоту, молодой вы человек, – развёл он на прощанье руками.

Искандер неторопливо закрыл за собой дверь, постоял ещё с минуту в раздумье, безразлично повертев в руках свёрток исписанных бумаг, бросил его в урну. Медленно спустился по лестнице, пересёк проспект, направился к трамвайной остановке. Вдохнув полной грудью сырого осеннего воздуха, успокоился, ещё раз взглянул на здание, откуда только что вышел. Вечерело. Над старинным зданием уныло проплывали серые облака. Искандер отрешённо глядел им вслед. Иногда ему казалось, что облака останавливались и вместо них начинали двигаться деревья, дома, это старинное здание, в освещённых окнах которого мелькали фигуры людей. И какой-то бородатый мужик вертел там пальцем у виска. Всё это катилось от него в сторону. Правильно Олег Павлов процитировал ему известное стихотворение:

Поэт в России больше, чем поэт.
В ней суждено поэтами рождаться
Лишь тем, в ком бродит гордый дух гражданства...

Бледно-серая луна уединённо и слабо сияла сквозь темнеющие ветки ясеня. Транспорта долго не было. Глядя на луну, Искандер ощутил какую-то светлую тихую грусть. И он продолжил шёпотом:

...кому уюта нет, покоя нет.
Дай, Пушкин, мне свою певучесть,
Свою раскованную речь,
Свою пленительную участь –

Как бы шая, глаголом жечь...

Резко, порывами подул ветер. Пробежав по верхушкам деревьев, налетел на Искандера, обдав его осенним холодом, рванул воротник пальто. «Странно», – подумал он. Было тихо. Только что луна терялась среди туч, теперь же она висела высоко, ярко освещая крыши домов. Незаметно, плавно подошёл трамвай.

– Следующая остановка «Площадь Декабристов», – невнятно прохрипело из динамика в открытую дверь транспорта. Искандер торопливо заскочил в полуосвещённый салон. Трамвай тронулся, медленно набирая скорость. Глядя себе под ноги, он вдруг ощутил такую пустоту на душе, ненужность всех своих и раньше-то слабо поддерживаемых надеждой увлечений, и от этой пустоты, безнадёжности стало ещё горче. «Прав этот редактор – нужно родиться художником, поэтом, музыкантом, а всё остальное, как он выразился, этот квадрокубизм, сюрреализм, всё это, в общем, геи от искусства. Ну вот и ладно, всё прояснилось, всё стало на свои места. Вот и спасибочки, Олег Николаевич. Надоумил, объяснил, кто есть кто, и никаких, Боже мой, иллюзий», – тяжело вздохнул Искандер. Почувствовав спиной, что на него смотрят, оглянулся и вдруг в бликующем свете проплывающих мимо витрин магазинов в самом дальнем углу трамвая среди сонно покачивающихся тел выхватил очертание знакомого лица. Она смотрела на него. «Где же я её встречал? – резко отвернулся он. – Почему мне это лицо знакомо, где же, где же? – мучился Искандер. – Эти глаза, эти локоны. Ах, да!» – радостно вспомнил он, даже улыбнулся, что так легко вышел из этого глупого положения. Конечно же, детально сооружая в памяти в одно целое эпизод встречи.

Это был один из многочисленных студенческих вечеров в одной из свободных комнат библиотеки медицинского института. Она сидела в дальнем углу, наискосок, больше молча. Под общий хохот очередному свежему анекдоту незнакомка еле заметно улыбалась, осторожно отпивая мелкими глотками чай, и смотрела на него. За ней, чуть прислонившись, стоял высокий статный мужчина.

– Кто это? – спросил тогда Искандер сидящего рядом товарища по группе Максима.

– Где? – сидя вполоборота к нему, переспросил Максим. – Вот эта, что ли? – кивнул на девушку напротив.

Сарула, которая на всех мероприятиях, не связанных с занятиями в институте, всегда оказывалась между ними. На вопрос Искандера: «Почему ты опять увязалась за нами?» – тихо отвечала: «Мне неинтересно с девчонками».

– А с нами, значит, тебе интересно? – хохмил над ней Максим, выдыхая прямо в её лицо струю табачного дыма. «Ха-ха!» – гомерил он, наблюдая, как она, задыхаясь, наполовину растворяясь в сизом облаке, делала пассы руками, словно выплывала из-под воды.

Калмычка по национальности, курносая, широколобая, узкоглазая, небольшого роста, тем не менее она была по-восточному мила и, в совокупности, привлекала всех. С ней всегда было легко и весело, над ней можно было «приколоться» и тут же можно было пожалеть, обнять, прижать обаятельную подружку. И вот, в этот раз, она неизменно опять рядом с ними, напротив, за столиком.

«Узкоглазая подружка, голубка смуглая моя, случай, не сохнешь ли по мне?» На это она обычно отмалчивалась, жестом показывая, что он дурак. А потом она могла здорово разыграть их и исчезнуть в коридоре, в толпе студентов, до следующего раза. И Макс с Искандером порой иногда начинали скучать по ней и спрашивали как бы невзначай у сокурсников:

– Как наша калмычка? Никто не обижает её?

А когда встречали Сарулу с каким-либо парнем где-нибудь на спортивной площадке, накатывала на них какая-то непрошенная ревность. Сарула, заметив это, ещё больше прижима-

лась к спутнику, влюблённо глядя ему в глаза. И каждый из них, наблюдая за ней со стороны, думал про себя: «Да я же не влюблён в неё, это точно, но почему же я злюсь?»

– Да нет, вечно ты, Макс, бесперомонный такой, чувства такта у тебя нет, – сконфузился Искандер. – Ну вон та, – толкнул его снова в бок.

– Где же? – недовольно прогудел Макс, поворачивая массивную русоволосую голову, одним ухом слушая друга, а другим по-прежнему остальных.

– Как её зовут? – шёпотом настойчиво повторил свой вопрос Искандер, в надежде призывая его к тому же.

– Кто ещё? – ухмыльнулся Макс, разворачиваясь всем своим крупным телом к другу, понимая, что он просто так не отвяжется, значит, произошло что-то серьёзное.

Искандер доверчив, прост и прям, но, если нужно, смел и предан. Такое сочетание качеств присуще в основном азиатам. Худощавый, но коренастый, с чёрными прямыми волосами, всегда улыбчив и добродушен. С Сарулой они два одинаковых полюса, это вроде бы сближало, но в то же время и отталкивало их друг от друга. Если у него возникает какая-либо идея, то он непременно убедит Макса, что нужно сделать именно так. Поначалу Макс всегда щетинится, ну а в конце концов просто тупо, безоговорочно соглашается. И в итоге эти идеи всегда оправдывают себя и доходят до бурного обсуждения всем медицинским персоналом городской больницы, где они все трое проходят стажировку на последнем курсе института.

– В том дальнем углу стола, и сразу за ней красивый щеголеватый мужчина, с высоким воротником, – шипел Искандер уже ему в нос.

– Сашок, на посошок, иди домой, – (так называл иногда Макс Искандера уже на русский лад). – Я никого ни в дальнем, ни в ближнем зарубежье стола не вижу. Ты, похоже, перепил коньяка с чаем, – отмахнулся Максим, участливо хлопнул его тяжёлой рукой по плечу и отвернулся, казалось тогда, насовсем.

Наверное, вечер прошёл бы как всегда, шумно и весело, если бы одному из ребят не взбрело в голову просто выключить свет.

– Мальчишки! – раздалась в темноте упрёки сокурсниц и тут же дружно подчинились, когда над большим бронзовым подсвечником заходила рука с зажигалкой. Вскоре дрожащий свет пополз по потолку с лепниной, по стене с портретами классиков литературы, освещая русые головы ребят, высвечивая девушек, хихикающих и шелестящих обёртками конфет.

Сидящая напротив Сарула вдруг вскочила из-за стола, потрясённая чем-то.

– Посмотрите туда, в дальний угол, где висит потрет Пушкина и Натали! – вскрикнула она, растерянно выглядывая из темноты.

– Вот это цаца, – горячо дыша, засопел Макс Искандеру в ухо.

Все оглянулись и откровенно затихли. Перед ними из темноты плавно вырисовывались очертания той незнакомки. Усилившееся ровное пламя свечи полутонами освещало её лицо. Нежные очертания бледного лица были воистину прекрасны. Эти полуопущенные веки, глаза, не выразившие ничего, кроме тоски, в точности повторяли портрет «Натали» неизвестного художника того, пушкинского, времени.

– «Она была не тороплива, не холодна, не говорлива, без взора наглого для всех, без притязаний на успех...» – заморожено процитировал Макс стихи Пушкина, приподнимаясь из-за стола.

– О да, мой друг, – подхватил Искандер и закончил последней строкой: – «Всё тихо, просто было в ней...»

Неизвестно, сколько это длилось бы, если бы одна из девушек не вскочила и не включила свет...

...Проплывающий по салону трамвая свет проявлял лицо незнакомки, и Искандер глядел на неё с замиранием сердца.

– Сударь, заплатите за проезд... – всё кряхтела между ними кондуктор.

Трамвай остановился, дверцы плавно открылись, холодный осенний воздух с шумом проезжавших машин заполнил салон. Она, на прощание вскользь взглянув на него, растворилась в проёме двери. Искандер рванулся следом, но дверь трамвая безжалостно сдвинулась перед ним.

«Эй, водитель, останови», – хотел крикнуть он, но голос его сковал ворвавшийся с улицы холод, и он только прохрипел: «Натали», припадая к мокрому стеклу всем телом.

– А ну, заплати за проезд! – прижимала его к поручням толстая бабка-кондукторша, держала его за рукав пальто, тут же командуя водителю:

– Не открывай, езжай дальше, этот заяц какой-то странный, даже не сопротивляется.

Он больше не видел её. Да и не искал с ней встреч. Полагался на судьбу: а может быть, когда-нибудь столкнётся среди толпы людей, где-нибудь в центре города, на площади, или на мосту над чернеющей рекой. Где этот фиолетовый трамвай и кондуктор в нём с бейджиком на груди «Арина Родионовна», эти мрачно-сонные люди с того трамвая, куда они тогда уехали? Как он оказался на остановке «Парк Пушкина» и где потерял перчатки? И недавно, стоя у окна, поймал себя на мысли, что всё время думает о ней.

– Иса Масих! – приветствовал его Макс, встречаясь в коридоре. – Опять чего-то надумал? По глазам твоим басурманским вижу! – явно нарывался он с утра на стычку с Искандером. Максу стало скучно, хочется свежей крови. Каким-то невообразимым образом он чувствовал: что-то созревает, что-то вызревает в уме его друга. Колкостями своими как бы подталкивал: ну, давай, друган. Запрягай своих коней, и – в степь, потешимся, покуражимся.

– Да, кстати, тебя здесь какой-то бородастый дядька искал, с твоей зелёной тетрадкой в руке. Когда я попытался забрать эту тетрадку, он так цыкнул: «Не смей, холоп, марать это своей рукой. Найди мне его, он мне очень нужен, я требую!» – и восторженно тряс твоей тетрадкой! – басил Макс вслед Искандеру, растопырив во весь коридор свою ручищу, на которой уже повисла медсестра.

Какое-то предчувствие надвигающегося события не покидало Искандера после той встречи. И сегодня утром этот белый, белый как никогда, снег, и свежие следы на нём, и перчатки, что лежали у него на карнизе. Удаляющаяся фигура в офицерском плаще, большой, рыжеволосый, неуклюже ступавший по сугробу человек растворялся в лазоревой дымке. Где-то там, за чугунным забором прозвенел, простучал фиолетовый трамвай. Человек, как показалось Искандеру, позвал его рукой и исчез между ясенями. С минуту ещё Искандер простоял в раздумье, вообще не понимая, что происходит. После некоторого сомнения решился-таки позвонить Макс. Знакомый всем позывной. Эта мелодия, сочиненная им, собственоручно и неплохо наигранная на гитаре, записана на мобильник.

– Слушаю, башкирская морда, – сонно прохрипел в телефоне Макс.

– Макс, послушай, только не бросай опять трубку, – взволнованно заговорил Искандер. – Поверь мне, фиолетовый трамвай есть, он существует, я только что видел его из окна. Он махнул мне рукой и уехал на этом трамвае.

– Кто тебе махнул и уехал на этот раз, Пушкин, что ли? – гоготнул Макс.

– Ну, какой-то мужик в чёрном офицерском плаще, – не сдавался Искандер.

– Надо вычислить этот трамвай. На этот раз как? – поинтересовался Макс. – Мы с тобой уже два раза пытались поймать этот транспорт, и что? Никаких фиолетовых трамваев в городе нет, все они бордово-красные.

– Знаешь, – успокоившись, продолжил Искандер. – В этот вечер было полнолуние. Стоя на остановке, от скуки начал цитировать на память стихи Пушкина. Мне вдруг показалось, что

облака остановились и поплыла луна. Земля под ногами вдруг вздрогнула. Меня встряхнуло, закрутило, понесло. Еле удержался на ногах, схватившись за ствол рядом растущего ясеня. Слышишь?

– Ну, слышу. Я ещё этот ствол в тот раз после пива обмочил.

Не обращая внимания на очередную колкость, Искандер продолжал:

– В это время трамвай как-то бесшумно, словно вынырнул откуда-то, просто проявился весь в воздухе. Давай повторим, а? В последний раз, – умолял он Максима. – Бог любит троицу.

– О, как заговорил мусульманин, – хрипел Макс в трубку. – А твой Коран не признаёт Троицу.

– Макс, хорош там дуть пиво, я же слышу. Поверь мне, ты же меня уважаешь. – (Зная, что для Макса слово «уважаешь» всё равно, что «пожалуйста»). – Ну, уважаешь? Так давай завтра снова постоим вечерком, поколдуем, как раз полнолуние.

– Ладно, согласен, договорились, с.к.

«С.к.» на мобильном кодированном языке означало «конец связи», это Макс придумал. А на приколы, которые отвечивал Макс (по поводу обрезания, «башкирская морда» и т. п.), Искандер не обращал внимания, как и на приколы большинства его русских друзей. Это даже веселило, забавляло его, давая повод посостязаться в остроумии, быстро среагировать на негатив, такой вот психологический и языковой тренинг. Он даже был внутренне благодарен таким людям, научившись в конце концов, не срываясь на оскорбления, а по достоинству и без обид отвечать им тем же. И удивительно – они при этом почему-то обижались. Да и друга своего Макса он изучил хорошо. Его едкая натура просила, требовала «крови». Нанести сперва словесный «плевок», а затем ехидно наблюдать, как человек корчится от обиды, начинает твякать и брызгать слюной. Таких он определял в «шавки». А с Искандером его номер с самого начала знакомства не проходил. Мало того, сам про себя узнавал много чего нового. Искандер от природы был прирождённый боец, и это придавало ему уравновешенность и добродушие.

На Северном вокзале, когда они всей группой собрались на вылазку на близлежащее озеро, все были свидетелями, как он защитил деревенского паренька, в несколько секунд раскидав здоровенных бугаёв. А потом, встретив их на берегу лазурного озера, хохмящих, быкующих, пошлящих, после нескольких предупреждений вести себя культурно вместе с Максом гонял их по понтону, отлавливая и притапливая в воде. А остальные отдыхающие вертели пальцами у виска в адрес Макса и Искандера.

– Герои, бэтмэны, защитники бедных и угнетённых, хи-хи-хи, – шипели они вокруг. Теперь и им тоже придётся вести себя по-культурному.

Отдыхающие – в большинстве своём нормальные люди. С презрением смотрящие на этих, с шашлыками и с пивом в руках, мужчин и женщин, угрюмо-замкнутые молодые пары со своими детьми. С детьми, которые вечно дрались друг с другом, бешено бегали по понтону, ещё совсем не умея плавать, опасно стояли на краю мостика, на что почему-то никак не реагировали их родители.

Максим дорожил дружбой с ним. Как-то Искандер пригласил Максима на сабантуй к себе в село, где жили его родители, братья, сёстры, дядьки, тётки. Максим от него много слышал про этот национальный праздник, но не видел ни разу, и вот она, возможность воочию, изнутри, ощутить праздник плуга. Максим потом долго вспоминал и всем рассказывал, что род Искандера, по преданиям местных башкир, исходит от национального героя Салавата Юлаева. Прапрадед Искандера был участником Бородинской битвы 1812 года. По воспоминаниям однополчан, вернувшихся после войны на Урал, в бою ему отрубила палец сабля поляка Яниса. Позже прапрадед Искандера разузнал имя этого воина, он всё искал новой с ним встречи в бою. Весело вспоминали, как он оторвал висевший на коже палец, положил его в карман и

долго с ним не расставался, пока не потерял. А потеряв, вполне серьёзно горевал, чем забавлял товарищей по отряду.

– Это другая планета, друзья мои. Башкирцы – красивый духом и телом народ. Яростные скачки, борьба курач, край улыбчивых людей.

Протяжная мелодия курая затрагивала и бередила его русскую душу. Он замирал, слушая старика, который выкручивал, вытягивал мелодию степей и гор из простого лугового тростника. Посреди большой зелёной поляны сверкал на солнце белый столб, по которому отчаянно взбирался тот знакомый деревенский паренёк в засученных по колено брюках. Милые раскосые девицы в танце окружили, завертели Максима и, рассмеявшись над его неуклюжестью, весело разбежались. Ему самому очень захотелось принять участие в сабантуе, сыграть на гитаре прямо со сцены для старика с кураем, для деревенского паренька, который всё-таки добрался до вершины столба, для милых раскосых девушек.

Вспомнил, как они втроём поехали на фестиваль, посвящённый знаменитому барду Митяеву на Урале. Неплохо сыграли и спели одну из его песен, даже заняли какое-то...надцатое место. Максим превосходно владел гитарой, мог часами вытягивать блюз на электро в клубе института, собирал толпы слушателей. Настолько глубоко уходил в свою игру, что после выступления не сразу приходил в себя. Сарула неплохо пела, умела играть на домре. Трудности были с Искандером. Во-первых, его долго пришлось уговаривать влиться в состав будущего трио. Во-вторых, играл он на гитаре, хотя и довольно бойко, но по-дворовому. Тем не менее Макс чувствовал именно в нём потенциал и наотрез отказывался брать кого-либо другого. Максу было с ними удобнее и привычнее, он мог накричать на них на репетиции и погонять как следует, зная, что поймут и не будут обижаться, особенно Искандер.

Когда на сцене фестиваля они спели одну из песен Митяева, это вызвало в конце их выступления упрёки журналистов, освещавших фестиваль: «Глупо и смешно смешивать великую русскую культуру с тюркской, это абсурдно». Когда же Искандер неожиданно для своих вытащил из кармана «варган» да и заиграл в такт исполняемой песне, а потом закончил протяжным горловым пением, Макс нисколько не растерялся – лишь, усмехнувшись, кивнул головой и – вошёл в раж. Выдал такой русско-башкирский блюз, что профессиональные музыканты из Москвы пришли в шок и трепет. Они потом долго искали необычное трио среди участников. Обращались к ним через микрофон со сцены. И, не найдя, уехали раздосадованные, поругавшись между собой; досталось и жюри конкурса.

– Ух, урус, – загортанили местные парни верхом на лошадях, закружили вокруг Максима. Щёлкнула над его головой нагайка. Расхохотались, когда он от неожиданности вздрогнул, но не выказал испуга.

– Хэ, э, э, э, батыр, – прошипел один из наездников, наклонился над ним, вглядываясь в его серые глаза. Выпрямившись, кликнул всем: – Якши казак! – Рванул с места, увлекая за собой остальных всадников...

На следующий день они ни разу не созвонились. Искандер встал рано, необъяснимая тревога присутствовала в нём. Сегодня что-то должно произойти. Подошёл к окну, а там сизый голубь толкает боком чёрно-плекую голубку. Оба одновременно поглядывали на него. Ждали, как всегда, от хозяина корма, который он каждый день выбрасывал им через форточку. Выклёвывали еду со снега, прыгая между осыпавшимися с дерева алыми ягодами вишни.

Вечерело, когда Искандер подошёл к остановке. Эта остановка вдоль витого чугунного забора всегда была безлюдна, мало кто здесь ожидал транспорт: можно было пройти чуть дальше, ближе к площади, где было больше возможности сесть на любой автотранспорт.

Время на мобильнике показывало 17:00. Поглядывая в сторону, откуда по уговору должен был появиться Максим, Искандер чувствовал какое-то лёгкое волнение, словно перед стар-

том весеннего легкоатлетического кросса студентов, где он с удивительной лёгкостью выигрывал забег.

– Да он там у себя в степях привык за сайгаками бегать, – разводили руками ребята. Дружелюбно свысока похлопывали его по плечам.

– Пошли в кафешку, Саша! – звали его девушки.

– Куда без меня?! – махал увесистым кулаком Максим. Каждый год он заканчивал кросс последним.

Девушки по-особому относились к Искандеру. Его по-азиатски красивое мужественное лицо привлекало и «прикалывало» их, особенно когда он злился. Клонил голову, глядел на них исподлобья, сверкая карими глазами. Это пугало и вместе с тем притягивало девушек. Разозлить Искандера можно было очень просто – задрать юбку или расстегнуть кофточку и показать грудь. Этого хватало, чтобы он погнался за ними. А поймав жертву, он терялся и не знал, что делать. Почуввав женщину, запахом напоминающую ему мокрый ковыль и брыкающегося в бессилии ягнёнка в руках, он скалился, страстно хикал, тыкаясь щекой в затылок, в шею. Жертва от этого начинала визжать, дёргаться. Не оттого, что было неприятно, а оттого, что ещё секунда – и она просто растает в руках этого азиата...

Наконец со стороны площади замаячила знакомая фигура Максима в джинсах, в чёрном коротком драповом пальто с поднятым воротником, без головного убора. Следом крадась девушка в сапожках, в синей аляске с капюшоном. «Сарула?! Вот нелёгкая принесла», – подумал он.

– Чё ты её притащил?! – рассердился Искандер.

– Как чё! Ты же Сару знаешь. Как она унюхала?! От этой шаманки ничего не скроешь, не утаишь. Звонит мне на мобилу, давай вставай, говорит, одевайся, там тебя Искандер ждёт. Ты сам утверждаешь, что Бог любит троицу. Вот мы и втроём, – оправдывался Максим.

Тем временем луна словно остановилась, стала прямо напротив них, ярко и полнолуноно закрутилась вокруг своей оси, будто призывая их к себе.

– Ну ладно, давай начинать, – согласился Искандер, чувствуя в этом какое-то предзнаменование.

– Чего начинать? – не понимала Сарула, выглядывая из-под локтя Максима.

Она иногда побаивалась Искандера, он ей всегда напоминал её старшего брата, даже и одеждой. Всегда в спортивном и в вязаной шапочке.

Уставившись на луну, Искандер, словно вечерний намаз, начал читать стихи:

...Недавно тёмною порою,
Когда пустынная луна
Текла туманною стезёю,
Я видел – дева у окна.
Она задумчиво сидела,
Дышала тайным страхом грудь,
Она с волнением глядела
На тёмный под холмами путь...

– Давайте руки, – закричал он, резко оглянувшись, его бледно-жёлтое перекошенное лицо жестокого воина-азиата перед битвой поначалу испугало их.

– Руки, – снова повторил Искандер, и они робко подчинились, недоумённо переглянувшись между собой.

– Смотрите на луну, – крикнул он. – Она должна поплыть по небу.

И продолжил цитировать Пушкина:

...Зачем из облака выходишь,
Уединённая луна,
Ты будишь грустные мечтанья,
Любви напрасные страданья...

Облака вдруг остановились. Вместо них закружились дома, деревья. Луна начала медленно двигаться по темнеющему вечернему небу, то пропадая, то появляясь из-за хмурых чернеющих туч. Налетел, завыл, заискрился снежной пылью холодный пронизывающий ветер. Жестяная кровля старинного здания напротив захлопала, ровно по ней кто-то пробежал. Ветки деревьев, размахиваясь по ветру, стали цепляться кончиками за воротник Максима. Щёлкнув, погас фонарь на столбе. Стало темно.

– Ой, я поплыла, я падаю, – завизжала Сарула.

– Стой, не падай, – схватил её Максим, сам шатаясь и наваливаясь на Искандера.

– Держись, друган, получается: облака остановились, видите, – не глядя на них, торжествовал он.

...Уж не бывать той ночи вновь,
Когда спокойное сиянье
Твоих таинственных лучей
Сквозь тёмный яшень пронизало...

– Трамвай! Бежим, сматываемся отсюда, – заорал во всё горло Макс.

– Это не наш, – не согласился Искандер.

– Да фиг с ним, с этим твоим трамваем, надо бежать, пока не поздно, – горланил Максим, – на любой, и уезжаем, с мистикой нельзя шутить.

Искандер с Сарулой попытались было посопротивляться, но Максим уже тащил их обоих по рельсам. Одной рукой он держал за капюшон Сарулу; её головы не было видно, лишь где-то внутри аляски слышалось слабое повизгивание: «Помогите!» Другой он легко держал за пояс брыкающегося ногами по воздуху Искандера. Дружно втроём ввалились они в открытую дверцу подъехавшего транспорта. Дверцы захлопнулись, повеяв холодом улицы, быстро набирая скорость, трамвай рванул вперёд. Переведя дух, они расцепились, медленно друг за другом встали с пола, огляделись вокруг. В креслах сидели люди, сонно покачиваясь, тыкаясь головами друг о друга.

– Оплачиваем за проезд, молодые люди, – донёсся до них строгий голос кондуктора.

– Друзья мои, это она, та самая бабка Арина. Мы сели в нужный трамвай, – взвизгнул от радости Искандер. – Точно, она, – решительно стал он пробираться вперёд.

За ним поспешил Максим, неуклюже сбил шляпу с одного пассажира, тут же её подобрал и грубо напаялил обратно. Тот в ответ, выйдя из сонного состояния, задёргался, заёрзал, однако промолчал; лишь сухо прокашлялся и зло хихикнул. Тем временем Максим добрался до кабины водителя с намерением потребовать, чтобы тот немедленно остановился и выпустил их.

Но водителя на месте не было! Не было и самого места! Отсутствовали и кресло, и руль, и сама кабина. На её месте зияла огромная чёрная дыра. В ужасе он отпрянул назад.

– Смотрите, впереди огромный белый шар, мы едем прямо на него! – завизжала Сарула из конца трамвая.

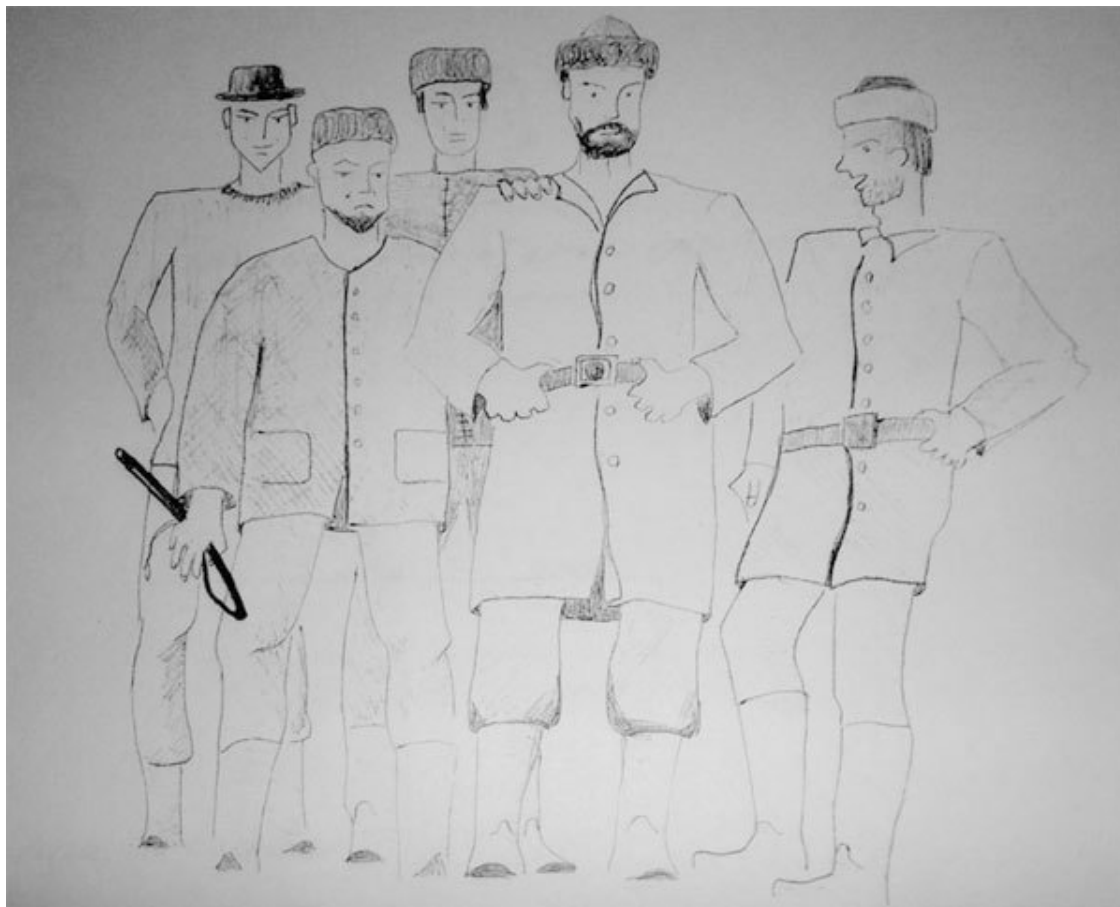
Искандер, стоя посередине салона, уверенно глядел перед собой. Словно готовился к прыжку.

– Давайте руки, – спокойно сказал он, подхватил подбежавшую Сарулу.

Вдруг в салон ворвался яркий белый шар. Все трое, обнявшись, растворились в нём и понеслись в чёрном пространстве, где не было ни поручней, ни резинового пола, ни боковых стёкол, кружились в вакууме матового света, и захватывало дух, как на больших качелях «ромашка» в городском парке. И где-то далеко впереди слышался истеричный хохот того пассажира – солидно одетого мужчины в кожаном плаще и шляпе. Хохот, переходящий в хрип, всё приближался и приближался, а когда вдруг ударил в ухо, всё резко остановилось, и они втроём по инерции покатались вперёд по льду реки; ударившись обо что-то мягкое, оказались на снегу у чугунного забора. Всё стихло.

Глава вторая. Трактир Демутова

Все трое не торопились встать, лежали на снегу, разглядывая через решётку местность, где они таким необъяснимым для себя образом оказались. Было темно и необычайно тихо. Лишь одинокая луна бросала свой бледный свет на стены мрачных домов. Огромная, с чёрным стволом лиственница медленно раскачивала свои заснеженные чёрные лапы, нависала над ними, будто бы разглядывая что-то или кого-то под собой. «Каррр!» – каркнула ворона, вспорхнув с ветки, осыпала их снегом, пролетела по улице. Почти одновременно они заметили сгорбленную фигуру человека в длинном кожаном плаще и в шляпе. Фигура, проваливаясь в снегу, пробиралась вдоль здания.

– Смотрите, наш пассажир с трамвая, – подала голос Сарула.

– Бежим за ним, – предложил Максим. – Выпытаем у этого хохотуна, где мы.

Встав, он ринулся за человеком, на бегу стряхивая налипший снег. Искандер с Сарулой без раздумий последовали за ним. Человек, заметив их, прибавил шагу и скрылся за домом. Когда они добежали до угла здания, перед их взорами предстала освещённая фонарями на столбах площадь. Повозки, кареты, сани, мелькая, одна за другой пронеслись мимо них.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.